

приоритет2030[^]
лидерами становятся

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ 2024

оценки профессионального сообщества

В.А. Кузнецов

В.А. Кузнецов

РОССИЙСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ 2024:
оценки профессионального
сообщества

Москва
Издательство «МГИМО-Университет»
2024

Автор:

Василий Александрович Кузнецов – заместитель директора по научной работе Института востоковедения РАН, доктор политических наук, кандидат исторических наук

Рецензенты:

Аликбер Калабекович Аликберов – директор Института востоковедения РАН, доктор исторических наук

Валентин Цуньлиевич Головачев – заместитель директора Института востоковедения РАН, доктор исторических наук

Ответственные редакторы:

Виталий Вячеславович Наумкин – академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН

Максим Александрович Сучков – директор ИМИ МГИМО МИД России, кандидат политических наук

К89 Кузнецов, В.А.

Российское востоковедение 2024: оценки профессионального сообщества.
М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2024. 26 с.

Издание выполнено при поддержке программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке доклада В.Ц. Головачеву, Г.В. Лукьянову, Р.Ш. Мамедову.

Данная публикация предназначена исключительно для личного использования и не подлежит воспроизведению, распространению или переработке без письменного разрешения Института международных исследований (ИМИ) МГИМО МИД России.

Запросы на перепечатку направляйте, пожалуйста, в ИМИ МГИМО МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76,
Тел.: +7 495 225-33-13
E-mail: imi@inno.mgimo.ru

Содержание

Введение	4
I. Сущность востоковедения.....	5
II. Ситуация в российском востоковедении.....	9
III. Успехи востоковедения	12
IV. Слабости, проблемы и вызовы	16
V. Что делать?.....	23
Некоторые выводы.....	26

Введение

Настоящий доклад продолжает опубликованное в 2023 г. в рамках консорциума Института востоковедения РАН и МГИМО Университета¹ исследование об актуальном состоянии российского востоковедения. В 2023 г. мы ставили перед собой задачу проанализировать состояние востоковедных исследований и образования в России, выявить тенденции их развития и ключевые проблемы. Теперь же речь пойдет не столько об объективной оценке состояния дел, сколько о его восприятии самими востоковедами. При подготовке исследования проведено более 30 интервью с руководите-

лями востоковедных подразделений университетов и научных учреждений из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Екатеринбурга, Улан-Удэ, Владивостока – городов, где сосредоточены ключевые востоковедческие школы. С каждым из наших собеседников мы говорили о состоянии современного востоковедения в России, его сильных и слабых сторонах, вызовах и проблемах, с которыми оно сталкивается, перспективах его развития. Значительную часть предлагаемого текста составляют прямые цитаты из наших бесед – они позволят читателю «услышать» то же многоголосье, что услышали мы.

¹ Кузнецов В.А. Российское востоковедение: вызовы и перспективы развития в новой реальности. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2023. 32 с.

I. Сущность востоковедения

Первой темой, довольно активно обсуждаемой в профессиональной среде, как ни странно, оказывается сущность востоковедного знания. Описание современного положения дел в российской науке и образовании многие наши собеседники увязывали не только с особенностями текущей политической или социально-экономической ситуации, но с самой логикой развития востоковедения как части спектра социо-гуманитарных наук, его готовностью отвечать на вызовы нового технологического уклада, использовать новые методы, расширять теоретико-методологическую базу. При этом, разумеется, актуализация всегда существовавших дискуссий о статусе востоковедения, его основах и параметрах происходит в значительной степени в связи с происходящей интенсификацией связей России со странами Азии и Африки.

Если суммировать все высказанные нашими собеседниками точки зрения, то можно утверждать, что **в профессиональном сообществе сложилось три основных подхода к пониманию востоковедения**. При кажущейся абстрактности они имеют прямое отношение к организации управления наукой и образованием. Ведь в зависимости от того или иного подхода по-разному должен решаться вопрос о поддержке востоковедных специальностей в университетах, выделении бюджетных мест, тематик государственных заданий и т.д.

Согласно одному из подходов, востоковедение должно рассматриваться не как наука или научная область, а как унаследованная от колониальных времен исследовательская практика, которая в современных условиях, в общем, избыточна: все решаемые востоковедами задачи могут с не меньшим успехом решаться представителями иных наук. На теоретическом уровне эта позиция обычно обосновывается известными трудами Э. Саида и его последователей, на практическом же – тем обстоятельством, что никакого «западоведения» не существует. Ясно, что в самой востоковедной среде данная точка зрения особой

популярностью не пользуется. Обычно ее выразителями становятся менеджеры науки и образования из числа международных, историков или политологов. В то же время само ее существование заставляет востоковедов тщательно продумывать систему контраргументов, главным из которых остается признанная (и уникальная) научная продуктивность востоковедного знания, а также уделять серьезное внимание рефлексии над собственной профессиональной деятельностью.

Согласно второму подходу, востоковедение представляет собой не науку, а научную область, поскольку не обладает ни собственным предметом, ни специфическими методами. Эта позиция в целом представляется более обоснованной, чем предыдущая (в конце концов, сами востоковеды в XX в. потратили немало сил на борьбу с эссенциализацией Востока). Сторонниками подхода оказываются, как правило, управленцы, стремящиеся интегрировать востоковедные исследования и образовательные программы в более широкое пространство зарубежного регионоведения. Ключевым возражением здесь становится то обстоятельство, что недифференцированность объекта исследования и проблемы с определением его предмета вообще характерны для социо-гуманитарных наук, которым вместе с тем свойственно использовать методологический инструментарий друг друга.

Наконец, **согласно третьему подходу, востоковедение – все же наука, однако наука комплексная, или метанаука, которая в пределе должна стать образцом трансдисциплинарного знания**.

Последняя точка зрения, кажется, пользуется наибольшей популярностью в профессиональной среде самих востоковедов, где, впрочем, само понятие трансдисциплинарности пока что не стало общепринятым.

Весьма ярко ее описывает **М.Б. Пиотровский**:

«Востоковедение – это некая синтетическая наука, которая сейчас обретает особое значение, т.к. стоит на стыке разных

дисциплин, где на основе филологии, знания языка, культуры, менталитета народов создается обобщение, которое сочетает в себе методологию разных наук – социологии, политологии и т.д.

Это делается для того, чтобы решать две большие общечеловеческие задачи.

Первая из них – это построение диалога культур вместо войн памяти, т.к. мы знаем, что недостаточное изучение Другого может приводить к культурным войнам, войнам памяти. Наша задача как представителей науки – это все изменить, превращать войны и конфликты в дискуссию и получение нового знания. Это философский аспект.

В то же время, у нас есть востоковедение в том виде, в котором оно зародилось, и востоковедение сейчас. Сейчас оно преобразилось и оказалось очень нужным в прикладном плане. Но рождено оно, грубо говоря, колониализмом... Механизм, рожденный колониализмом и европоцентризмом, сегодня должен ликвидировать европоцентризм в коллективном, частном и политическом сознании. Это прикладное значение востоковедения – и это вторая общечеловеческая задача, которую оно призвано решить.

На философском уровне востоковедение – это наука о Другом, где Другой – это Восток... Это общие, принципиальные проблемы, от которых должно идти все остальное...

Мы не можем превратить востоковедение в область знаний, в набор сведений о Востоке, который абсолютно не идентичен простым европоцентристским представлениям, или в ограниченный инструмент перевода для дипломатии.

Лингвистика, язык, литература – это основа востоковедения, потому что сейчас мы входим в систему, когда нужно различать искусственный и человеческий интеллект. Востоковедение основано на человеческом интеллекте, и развитие искусственного интеллекта ситуацию не изменит. Оно предполагает знание живого языка, общения, то есть то знание, которого пока что ни у какой машины быть не может, даже если мы ее будем учить. Все остальное, то, что кажется современным, – как раз легко, пото-

му что оно и пришло от машины. Цифровая культура – это машинное, а все остальное, старинное, то, что сидит в подкорке, продолжает оставаться особенностью»².

Несколько иначе видит ситуацию **А.А. Маслов**: «Востоковедение стало переосмысливать свою идентичность. Из узкой, в известном смысле утилитарной дисциплины, основанной прежде всего на очень глубоком, специфическом знании языка, не только разговорного, но и классического, оно превращается в более широкую область... Оно может развиваться по трем моделям. Первая модель – востоковедение как классическая дисциплина, вокруг которой когда-то строился восточный факультет СПбГУ, ИСАА, КФУ, классические институты. Вторая модель – заметное расширение проблемного поля востоковедения, расширение не только по тематике, но и по методологии. Это цифровизация, использование больших баз данных, компьютерный парсинг. Третья модель – это постепенное угасание востоковедения, и классического, и современного, потому что другие дисциплины и другие страны предлагают свои подходы»³.

Как можно видеть по этим двум цитатам, **самими представителями специальности вопрос о сущности востоковедения напрямую увязывается с его судьбой**. Притом, несмотря на серьезные расхождения в оценках, они оказываются едины по меньшей мере в двух вещах.

Во-первых, в том, что востоковедение меняется: «Если раньше под этим подразумевалось классическое востоковедное образование, то сегодня появились модели и шаблоны, привязанные к таким дисциплинам, как политология, страноведение, что очень сильно изменяет суть востоковедения»⁴.

Во-вторых, в том, что главная задача востоковедения – понимать страну изучения – остается неизменной: «Если он понимает страну – он востоковед. Если не понимает – он не востоковед»⁵. В качестве яркого примера такой разницы иногда указывают на различие между словами «китаист» и «китаевед»: если второе понятие обозначает человека, действительно знающего Китай,

² Интервью с академиком РАН и РАХ, генеральным директором Государственного Эрмитажа, деканом Восточного факультета и зав. кафедрой Древнего Востока СПбГУ М.Б. Пиотровским, июнь 2024 г.

³ Интервью с д.и.н., директором ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова А.А. Масловым, июнь 2024 г.

⁴ Интервью с академиком, заместителем председателя ДВО РАН, руководителем Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН В.Л. Лариным, июль 2024 г.

⁵ Там же.

то первое – человека, который «что-то знает о стране и говорит по-китайски», но не может считаться специалистом⁶.

Проблема, впрочем, далеко не всегда отрефлексированная, состоит в том, что никто не знает, что значит «понимать страну». Пожалуй, именно поэтому предлагаемые определения очень часто весьма эмоциональны и окрашены яркими метафорами: «Востоковед – это человек, влюбленный в Восток, это человек, владеющий в совершенстве восточным языком, это человек, который понимает ментальность, понимает мемы, который может пошутить, понять шутку, который налаживает контакты, который при этом разбирается в политической обстановке, в культуре, в экономике, в месте страны в системе международных отношений... Востоковеды и прием на востоковедение – это больше по любви, чем из прагматизма... Востоковед – это уникальный человек. Они выпускаются, как Боженькой поцелованные. Они же такие прикольные, такие клевые. Они все знают. Востоковеды – безумно интересные люди, которые подкованы абсолютно во всех областях. И ни один машинный перевод выстроить личные отношения “человек-человек” не сможет. И завлекательно писать письма, присылать мемы в тему они тоже не смогут»⁷.

Таким образом, можно подытожить:

Вне зависимости от конкретных оценок **самим востоковедам то, чем они занимаются, видится прежде всего методом, подходом к постижению иных обществ, системой практик, направленных на комплексное понимание иной культуры и способных интегрировать конкретные научные методы и подходы самых разных областей.** Конечно, в этом случае возникает целый комплекс вопросов, связанных как с деколониальным поворотом, так и с научной верификацией получаемых знаний. В плане деколониальности проблема сводится к тому, что популярный тезис, согласно которому востоковед сам становится немного представителем изучаемого общества, влечет за собой целый ряд новых вопросов: об экзотизации изучаемых обществ и культур-

ной апроприации, об идентичности исследователя, о возможности достижения научно значимых результатов и т.п. Однозначных решений здесь, по всей видимости, нет. Что же касается второй части проблемы, то решение, по-видимому, состоит в маятниковом движении исследований – от конкретной научной области с ее методами верификации и фальсифицируемости знания к комплексному востоковедению с его интегративными трансдисциплинарными практиками и обратно.

Далее, можно считать консенсусной точку зрения, согласно которой **востоковедение**, как оно видится сегодня, **основано на знании языка и умении использовать его в коммуникации, на знании культуры и истории Другого. Главное, что отличает востоковедение – комплексность знания Другого**, та самая трансдисциплинарность, о которой пишет А.К. Аликберов⁸.

Как ни парадоксально, это, казалось бы, очевидное положение тоже может быть поставлено под сомнение, если посмотреть на него в исторической ретроспективе. В конце концов, такие заявляемые многими нашими собеседниками признаки настоящих востоковедов, как понимание страны изучаемого языка, личный опыт пребывания в ней, широкая коммуникация с носителями восточного языка, навыки аналитической работы, умение использовать знания для продвижения национальных интересов своей страны и т.п., в совсем недавнем прошлом вовсе не считались бы необходимыми. Для многих востоковедов XX в. страноведческие знания как таковые не были в приоритете, равно как не столь значимым был опыт пребывания в регионе. Гораздо важнее было изучение классической истории или литературы. Примечательно в этом отношении, что именно такое понимание востоковедения – с упором на классический цикл – остается характерным для целого ряда государств постсоветского пространства, таких как Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан, а также в значительной степени Армения и Грузия⁹.

Притом (и с этим тоже согласны едва ли не все наши собеседники), активно развиваясь

⁶ Там же.

⁷ Интервью с доцентом кафедры востоковедения УрФУ, руководителем бакалаврских и магистерских программ Ю.П. Ивановой, июнь 2024 г.

⁸ Аликберов А.К. Человек и история в цифровую эпоху. М.: Наука, 2023. С. 309-312.

⁹ См.: Востоковедение в Центральной Евразии: восемь путей развития. М.: МГИМО, ИВ РАН, 2024. 168 с.

сегодня, востоковедение захватывает все новые области: от политологии до права, социологии и статистики, от экономики и финансов до логистики и менеджмента. И хотя не очень понятно, как сохранить его ядро, довольно четко выделяется два магистральных подхода, которые условно могут быть обозначены как консервативный (М.Б. Пиотровский) и реформистский (А.А. Маслов). Согласно первому, бережное отношение к традиции необходимо не только для подтверждения дисциплинарной идентичности, но и для обеспечения выполнения востоковедением стоящих перед ним «больших общечеловеческих задач». Согласно второму, концентрация на традиции может привести к исчезновению востоковедения как такового.

Все эти дискуссии позволяют сделать **вывод о главном вызове, стоящем перед современным востоковедением, – необходимости расширения проблемного поля, обновления дизайна исследований и образовательных программ при сохранении и переосмыслении комплексности классического востоковедения.** С данным вызовом, хотя и далеко не всегда прямо формулируемым и даже не всегда отрефлексируемым, сталкивается большинство руководителей востоковедных организаций. Однако ответы на него в значительной степени зависят от того, как видится ими ситуация в российском востоковедении.

II. Ситуация в российском востоковедении

Если по вопросу о содержании и статусе востоковедения как такового существуют довольно серьезные споры, то описание ситуации в российском его сегменте вызывает более единодушную реакцию. Кратко она может быть описана следующим высказыванием: **ситуация «противоречивая, непростая, но обнадеживающая»**. Возрастание роли стран Азии и Африки, увеличение восточных сообществ в европейских странах, Северной и Южной Америке, даже в Австралии, рост восточного компонента, его роли в истории и глобальных процессах увеличивает роль и место Востока во внешней политике и, соответственно, объективно вынуждает государственные структуры обратиться к поддержке востоковедения. *Есть запрос на специалистов... Противоречивость в том, что запрос растет, а количество специалистов уменьшается, поскольку нет поддержки государства на должном уровне»¹⁰*.

Во всех исследуемых центрах востоковедного знания представители всех направлений отмечали колоссальный кадровый голод. Приведем последовательно несколько цитат:

«Я могу говорить только о востоковедении, связанном с Восточной, Юго-Восточной, в какой-то мере Южной Азией. Здесь я бы очень коротко охарактеризовал современную ситуацию как “переходный период”. Уходит эпоха востоковедов, подготовленных в СССР, не так много уже осталось от этой генерации. Полученное в СССР образование – это реально хорошее классическое востоковедное образование с элементами ориентации на современность. А вот новая генерация востоковедов практически так и не выросла.

Есть отдельные имена. Но это не явление, а именно отдельные имена. И это не позволяет говорить о том, что представляет собой новое молодое востоковедение. Судя по публикуемым работам и именам, я не вижу ни тенденций, ни каких-то школ, ни линий, ничего – старое уходит, новое не состоялось. Пока не могу сказать, что это переход от хорошего к плохому: нельзя сказать, что новое востоковедение – плохое. Оно пока еще просто не появилось»¹¹.

«Существует очевидная потребность российского государства и общества в развитии востоковедения как образовательной и исследовательской отрасли знания. С другой же стороны, потери периода “равнодушия государства к востоковедному знанию” дают о себе знать. Прежде всего это касается кадровой и финансово-материальной базы отрасли»¹².

«Не совсем хорошая ситуация. В буддологии, например, ушли из жизни такие видные ученые, как Л.Н. Меньшиков, А.С. Мартынов, М.Е. Ермаков, Е.А. Торчинов, В.И. Рудой, В.П. Андросов, С.А. Горбунова, которые внесли большой вклад в буддологические исследования. В китаеведении ушли из жизни А.Е. Лукьянов, М.Л. Титаренко, Л.С. Переломов, В.Ф. Феоктистов, Ю.Л. Кроль, Б.Л. Рифтин, М.В. Крюков. Случился разрыв поколений. Равных им по значимости вклада в науку новых имен и фамилий, к сожалению, пока так и не появилось»¹³.

«Интерес к данным исследованиям резко возрос, но в значительной степени не из-за самооценности этих наук как таковых. Раньше эти науки рассматривались не как престижные и приоритетные. Скорее, они были дополнением к европейским и амери-

¹⁰ Интервью с д.и.н., заведующей кафедрой востоковедения УрФУ Г.Н. Валиахметовой, июнь 2024 г.

¹¹ Интервью с академиком, заместителем председателя ДВО РАН, руководителем Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН В.Л. Лариным, июль 2024 г.

¹² Интервью с к.и.н., заведующей кафедрой Тихоокеанской Азии при Восточном институте ДВФУ Д.А. Владимировой, июль 2024 г.

¹³ Интервью с д.и.н., заведующим отделом философии, культурологии и религиоведения ИМБТ СО РАН Л.Е. Янгутным, июль 2024 г.

канским исследованиям... Специалистов в таком количестве, которое необходимо для глубокого исследования проблем, связанных с этими регионами, в нашей стране не хватает. Особенно это касается африканистов»¹⁴.

Список цитат можно продолжить, однако суть ясна.

Впрочем, далеко не все оценивают ситуацию исключительно пессимистически. **Многие наши собеседники, особенно из университетской среды, отмечают растущий интерес к востоковедению среди молодежи.** И хотя данная точка зрения не доминирует, она все же фигурирует в интервью с представителями университетов всех пяти городов.

Здесь характерна позиция Э.К. Хабибуллиной: «Подъем несомненно есть. Когда обсуждалось выведение востоковедения и африканистики как направления подготовки из укрупненной группы “Международные отношения и зарубежное регионоведение”, было много скептицизма, даже в ФУМО, где я являюсь членом комиссии по востоковедению. Были жесткие обсуждения, кто-то говорил: “Это те же историки, те же филологи, те же экономисты”. Но прошло не более 10-20 лет, и мы уже реализуем себя как цельное, полноценное направление подготовки. Прошлый год был знаковым — было принято решение об аспирантуре и защите кандидатских диссертаций по этому направлению. Санкт-Петербург первым пытается что-то реализовать в этом направлении. Шаг за шагом развивается не только образовательное, но и научное направление.

Спустя несколько лет, возможно, 10-15, мы даже забудем о том, что этого направления не было.

Где-то есть хороший научный блок, много состоявшихся ученых. У меня пока молодежь. У нас получилось так, что резко вырос спрос на языки, на образование, не только в плане востоковедения и африканистики, международных отношений, зарубежного регионоведения, но и лингвистика и туризм стали изучать восточные языки. И у нас был наплыв молодежи, которая только начинает работать, делает первые шаги в науке.

Плюс, большая аудиторная нагрузка не всегда помогает вести их в научном направлении. Тем не менее, хоть у нас и немного классиков, состоявшихся ученых, они показывают свой пример и молодежь к ним тянется.

В последние 15-20 лет не было преемственности в науке. То ли просто перестали заниматься наукой, то ли научные руководители боялись, что их перерастут. У нас в этом году уже 4 человека сдали кандидатские минимумы. Понятно, что на отделение 80-90 человек и в общей массе это немного, но прорыв есть, ребята начинают работать. И эта молодежь цепляет других, поэтому я думаю, что через 3-4 года рывок будет. Нам надо закрыть эту брешь, которая образовалась за 15-20 лет, когда не было преемственности, защищались мало. У меня сейчас выходит только третий аспирант.

В последние 2 года экономические профили доминируют. Язык и литература — это классика, она есть всегда, но ее не очень много, и она держится стабильно, примерно по 2 группы набираем. История то пропадает, то появляется, то увеличивается»¹⁵.

Схожая ситуация складывается в Екатеринбурге: «У нас, например, всего 12 бюджетных мест на востоковедении, это даже для региона мало. На бакалавриат приходят «корейцы» из любви к айдолам, к Халлю, а у них начинаются иероглифы. То же и с японским: приходят из-за манги, а потом интерес сразу падает.

Преыдущие были ориентированы на бизнес, на то, чтобы уехать за границу, там работать, учиться, уйти в бизнес-структуры с постоянными поездками за границу. А в последние 3 года студентов интересуют наука, культура. Если лет 5 назад у нас в основном шли на историю международных отношений, потом пошла политология, то сейчас у нас активно появляется интерес экономического характера, например, специфика устойчивого развития в разных странах. И в этом году у нас больше 50% занимаются культурой. Это удивительно»¹⁶. Притом отмечается, что «сейчас интересна история, которая касается международных объединений и развития интеграции, но

¹⁴ Интервью с член-корреспондентом РАН, членом Президиума РАН, директором Института Африки РАН И.О. Абрамовой, июнь 2024 г.

¹⁵ Интервью с к.ф.н., деканом Высшей школы международных отношений и востоковедения КФУ Э.К. Хабибуллиной, июль 2024 г.

¹⁶ Интервью с д.и.н., заведующей кафедрой востоковедения УрФУ Г.Н. Валиахметовой, июнь 2024 г.

студенты не готовы изучать Центральную Азию»¹⁷.

В некоторых случаях речь идет о притоке кадров в научные группы и о развитии новых исследовательских направлений:

«Ситуацию в российском востоковедении можно оценивать скорее положительно... Возобновляются, пока очень медленно, контакты с Северокорейскими археологами. Пока только разрабатываются планы и так далее, все переносится. Тем не менее после 1990 года такого не было. Это [возобновление контактов] намечилось буквально в последний год. Обмены с японскими учеными сейчас остаются только на уровне личных контактов, официально ничего не поддерживается. С Южной Кореей – примерно так же. С китайцами – наоборот, тут рост активности большой. Уже второй год мы проводим совместные раскопки на Краскинском городище в Приморском крае. Это Бохайский город Яньчжоу – единственный город на территории Приморья, который сохранил свое название»¹⁸.

То же и в тибетологии:

«В области тибетологии, да, оно идет по восходящей, потому что у меня собрался самый крупный коллектив тибетологов. Мы впервые перевели с тибетского на русский язык “Аштасahasрика Праджня-парамита Сутра”¹⁹. Если сравнить ее с “Манифестом коммунистической партии”, то это манифест Махаяны»²⁰.

И в африканистике:

«Несмотря на то, что специализированная кафедра африканистики есть только в ИСАА, многие создающиеся кафедры востоковедения (в Барнауле, в Уфе, Перми) нацелены в том числе и на африканистику, т.к. региональный бизнес [Уралхим, Уралкалий – прим. авт.] начинает выходить на Африку»²¹.

Схожая ситуация складывается и в Институте востоковедения РАН, и в Инсти-

туте Китая и современной Азии РАН: и там, и там наблюдается приток молодых кадров, само появление которых зачастую подталкивает институты к развитию новых исследовательских направлений, особенно связанных с прикладными нуждами реального сектора экономики.

Таким образом, можно констатировать, что **продолжавшийся несколько десятилетий кадровый голод постепенно начинает снижаться. Проблема в том, что это кадровое насыщение началось в условиях быстрого увеличения числа стоящих перед востоковедением задач, актуализации как фундаментальных, так и прикладных исследований и расширения исследовательской проблематики. К тому же несколько десятилетий «забвения» не могут не сказываться на текущей ситуации, а уход старшего поколения крупных ученых не может быть компенсирован быстрым притоком молодежи сегодня.** Ей еще только предстоит вырасти в научном плане; на это требуется те же 10-15 лет, в течение которых должно быть обеспечено научное наставничество. Кто его может обеспечить, если межпоколенческий разрыв уже произошел, неизвестно.

Кроме того, обращает на себя внимание изменение приоритетов географии исследуемых регионов. Естественно, повсюду популярностью пользуются китаеведение и – в той или иной степени – другие восточноазиатские направления. Чуть менее популярны, но все же стабильно интересны ближневосточные исследования, прежде всего арабистика и тюркология. Однако пространства Центральной Азии, Южного Кавказа, Южной и Юго-Восточной Азии намного менее привлекательны для молодежи, часто по совсем непонятным причинам.

¹⁷ Интервью с доцентом кафедры востоковедения УрФУ, руководителем бакалаврских и магистерских программ Ю.П. Ивановой, июнь 2024 г.

¹⁸ Интервью с к.и.н., в.н.с. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН А.Л. Ивлиевым, июль 2024 г.

¹⁹ Донец А.М. Сутра «Праджня-парамита восьмитысячная». Аштасahasрика Праджня-парамита Сутра. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 400 с.

²⁰ Интервью с д.и.н., заведующим отделом философии, культурологии и религиоведения ИМБТ СО РАН Л.Е. Янгутыным, июль 2024 г.

²¹ Интервью с член-корреспондентом РАН, членом Президиума РАН, директором Института Африки РАН И.О. Абрамовой.

III. Успехи востоковедения

Довольно любопытно, что при разговоре о сильных сторонах отечественного востоковедения наши собеседники, как правило, подчеркивали одни и те же его черты.

Прежде всего, это сохранение традиций комплексного классического востоковедения: «В нем доминирует классическое комплексное востоковедение, есть широта мировоззрения. Таких комплексных институтов, как ИВ РАН в США, например, точно нет. Та же комплексность была в ИДВ – да, там современность, но там постоянно коммуницируют люди разных специальностей, есть взаимодействие. Эту же линию я проповедую в своем Центре глобальных и региональных исследований при ИИАЭ: мы постоянно делаем какие-то комплексные работы, постоянно коммуницируем. Если человек занимается Кореей, он не должен заниматься только Кореей, но должен понимать, что происходит в регионе. В этом, мне кажется, как раз и есть наша сила»²².

В той или иной форме **мысль о важности сохранения традиции повторялась едва ли не всеми нашими собеседниками**. Под традицией понимается прежде всего хорошее знание восточных языков, академичность, неполитизированность научных оценок, строгая опора исследований на серьезную источниковую базу и отсутствие «абстрактных околонучных суждений, подобных западным исследованиям», широта охвата («исследования направлены на картину в целом»), историческая фундированность («знание языка и исторического процесса, который привел к той реальности, которую ты в данный момент анализируешь»).

Помимо того, упоминаются «разветвленные связи с изучаемыми странами Востока» и наличие традиции межинституционального сотрудничества: «Стремление к взаимодействию и сотрудничеству как на региональном, так и на международном уровне.

У нас востоковедение – это не удел какой-то одной организации, это всегда какие-то совместные проекты»²³.

Важной составляющей некоторые собеседники считают наличие «внутреннего Востока» России и историческую вовлеченность его представителей в научно-образовательный процесс: «У нас в образовании с самого начала очень большая роль людей своего Востока. Наше востоковедение всегда состояло не только из европейских людей, впитывало восточную традицию, ученость, и получался более дружественно настроенный менталитет»²⁴.

Наконец, некоторые эксперты обращают внимание на роль востоковедения в реализации внешнеполитических задач (в основном на ближневосточном направлении), а также на широкую представленность востоковедов в российской политической элите.

В рассуждениях обращает на себя внимание несколько моментов.

Во-первых, признавая новые задачи, которые стоят перед востоковедением: необходимость развития новых направлений и прикладных исследований, расширения проблематики, обновления методологической базы, в том числе за счет использования современных технологий и т.п., – **никто из наших собеседников среди его сильных сторон не называет ни динамизма развития, ни методологической глубины, ни каких-либо элементов исследований современного цикла**.

Во-вторых, активно апеллируя к ситуации в востоковедном образовании при разговоре об актуальном состоянии дел, **описывая сильные стороны востоковедения, мало кто говорит именно об образовательных проектах, сосредотачиваясь в основном на академической традиции**. Некоторые наши собеседники, впрочем, упоминали хороший уровень преподавания восточных

²² Интервью с академиком, заместителем председателя ДВО РАН, руководителем Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН В.Л. Лариным, июль 2024 г.

²³ Интервью с д.и.н., действительным членом АН РТ, директором Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Р.Р. Салиховым, июль 2024 г.

²⁴ Интервью с академиком РАН и РАНХ, генеральным директором Государственного Эрмитажа, деканом Восточного факультета и зав. кафедрой Древнего Востока СПбГУ М.Б. Пиотровским, июль 2024 г.

языков в России, наличие собственных методик преподавания, а также уникальных образовательных программ, как, например, некоторое время существовавшее в Улан-Удэ философское отделение в университете. Чаще же встречались сетования на снижения качества образования в некогда ведущих вузах.

В-третьих, несмотря на то, что некоторые эксперты указывают в качестве сильной стороны российского востоковедения наличие «внутреннего Востока», совершенно неясным остается, в чем именно данная сила заключается и как это обогащает отечественные работы сегодня. Характерно, что реализуемые в Улан-Удэ или Казани проекты по бурятским или татарским исследованиям, которые воспринимаются извне как уникальные, сами представители местных научных школ в интервью упоминают не очень часто.

Указанные противоречия проявляются и при разговоре о конкретных достижениях отечественной науки, о видных деятелях и крупнейших востоковедных центрах.

Так, среди проектов чаще всего упоминаются: «Российское китаеведение – устная история»²⁵, десяти томник «История Китая»²⁶, реализуемая отделом Китая ИВ РАН серия «Архив российской китаистики»²⁷, перевод многотомника «Исторические записки» Сыма Цяня²⁸, проект ИФ РАН (в рамках РГНФ) «Философия буддизма: энциклопедия»²⁹, проекты ИМБТ «Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии» (2017-2020), завершённый в 2023 г. проект «Миры махаянского буддизма в контексте мировых цивилизационных процессов» (Индия, Китай с его «подмирами» в Корее и Японии, Тибете)³⁰, серия публикаций памятников отечественной школы исламского богословия, исследования татарского рукописного наследия, а также запу-

щенная в Казани работа по «средневековой тюркской истории, начиная с эпохи хунну, тюркских каганатов, Волжской Булгарии, Золотой Орды и татарских ханств». Как отмечает Р.Р. Салихов, «это очень сложная тема с точки зрения источников, но тем не менее мы осуществляем теснейшую коллаборацию с учеными как Москвы и Санкт-Петербурга, так и других регионов, а также с Казахстаном и даже Китаем»³¹.

То обстоятельство, что среди перечисляемых проектов очевидно доминируют китаеведческие, связано не столько с большими успехами этой области востоковедения по сравнению с другими, сколько со спецификой организации исследований. В самом деле, несмотря на обилие существующей литературы по другим направлениям, ни по одному из них в последние годы не осуществлялись амбициозные проекты издания многотомных компендиумов.

В то же время обращает на себя внимание, что едва ли не все упоминаемые работы посвящены историческим исследованиям, причем среди них нет никаких общетеоретических трудов.

Наконец, обращает на себя внимание и предлагаемый нашими собеседниками перечень крупных востоковедов. Из раза в раз в нем фигурируют одни и те же имена: вьетнамисты (А.Я. Соколовский), китаеведы (Д.А. Владимирова, А.Э. Войтишек, В.Г. Дацышен, И.Б. Кейдун, А.И. Кобзев, М.Е. Кравцова, М.В. Крюков, В.Л. Ларин, В.Е. Ларичев, А.В. Ломанов, А.В. Лукин, В.В. Малявин, А.А. Маслов, В.С. Мясников, А.В. Островский, И.Ф. Попова, Н.А. Самойлов, А.Г. Сторожук, А.Н. Сбоев, В.Ф. Щичко), корееведы (А.В. Торкунов, И.А. Толстокулаков), японоведы (В.А. Дерюгин, В.Э. Молодяков, Д.В. Стрельцов), арабисты (А.К. Аликберов, А.М. Васильев, Е.И. Зеленеv, В.А. Исаев, Г.Г. Косач, В.А. Кузнецов, Е.С. Мелкумян, В.А. Мельянцеv, В.В. Наумкин, М.Б. Пиотровский, М.А. Сапронова, А.О. Филоник, А.И. Яковлев),

²⁵ Российское китаеведение – устная история // Отдел Китая ИВ РАН. URL: <https://china-oral.ivran.ru/o-proekte> (24.11.2024).

²⁶ История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. М.: Наука, 2016.

²⁷ Архив российской китаистики. От составителя // Синология.Ру URL: https://www.synologia.ru/a/Архив_российской_китаистики_От_составителя (24.11.2024).

²⁸ Сыма Цянь. Исторические записки. Тт. 1-9. М.: Восточная литература, 1972-2010.

²⁹ Философия буддизма: энциклопедия. М.: Восточная литература, 2011. 1045 с.

³⁰ Карточка проекта фундаментальных и поисковых научных исследований, поддержанного Российским научным фондом. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00074/> (24.11.2024).

³¹ Интервью с д.и.н., действительным членом АН РТ, директором Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Р.Р. Салиховым, июль 2024 г.

буддологи (В.С. Дылыкова, В.Г. Лысенко), тибетологи (А.М. Донец, С.П. Нестеркин, И.С. Урбанаева), исламоведы (Тауфик Ибрагим, Л.Р. Сюкияйнен, С.М. Прозоров, Д.В. Фролов).

Конечно, данный перечень можно оценивать критически: в него, совершенно очевидно, не попали многие исследователи, которые по своему вкладу как в отечественную, так и в мировую науку были бы вполне достойны быть в нем упомянуты. Однако нас больше интересует не сам список имен, а то, на каких основаниях они выбирались нашими собеседниками. Этих оснований, думается, несколько.

Во-первых, примечательны региональные диспропорции: два десятка имен китаеведов, десяток имен арабистов, считанные единицы – корееведов, вьетнамистов и японистов... и все. Крупные тюркологи, иранисты, индологи, представители иных направлений не упоминаются. Лишь отчасти это может быть объяснено профессиональным профилем наших собеседников: китаеведов среди них было чуть больше, чем представителей иных специальностей, в основном за счет приоритета китайских исследований в дальневосточных регионах. Однако в целом получившаяся подборка имен соответствует приоритетизации региональных направлений в отечественном востоковедении. Ровно так же, как соответствует приоритетизации исследуемой проблематики превалирование среди упоминаемых имен историков, филологов, в меньшей степени – специалистов по религиям Востока.

Во-вторых, называя те или иные имена, наши собеседники сами очень четко разбивали их на категории по регионам специализации. Притом ни одного имени востоковеда, труды которого имели бы общетеоретическое значение (как в былые времена имели такое значение труды Л.Б. Алаева, Л.С. Васильева, В.П. Илюшечкина, Н.И. Конрада и др.), не упоминается.

В-третьих, довольно многие упоминаемые исследователи занимают сегодня (или занимали в недавнем прошлом) те или иные административные должности: заведующих кафедрами, деканов, ректоров или директоров институтов. Это не уменьшает их научный вклад, однако очевидно делает их имена более известными в профессиональном сообществе, представители которого,

по всей видимости, называя крупнейших исследователей, ориентируются не только на публикационную активность коллег.

В-четвертых, при перечислении крупных ученых важным оказывался географический принцип. Есть ряд исследователей, чьи фамилии фигурируют неизменно, однако другие подбираются по географической близости. В этом плане **выделяется два ядра: «европейско-уральское» (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Екатеринбург), представители которого ориентируются в основном на московскую и санкт-петербургскую школы, и «дальневосточное» (Владивосток, Улан-Удэ), представители которого больше склонны упоминать коллег из других восточных регионов России (Читы, Благовещенска, Новосибирска, Красноярска, Сахалина и др.). В этом проявляется научная автаркия, эпизодичность межрегиональной коммуникации и слабая информированность о деятельности коллег.**

Этот список свидетельствует о наличии довольно развитых корпоративных связей внутри отдельных исследовательских направлений, главным образом внутри «европейско-уральского» и «дальневосточного» регионов, и при этом о весьма слабой интегрированности, «спаянности» востоковедческого сообщества в целом.

Наконец, необходимо сказать о том, какие вузы и исследовательские организации воспринимаются самими востоковедами как лидирующие.

Многие наши собеседники довольно четко разделяли в интервью научные и образовательные центры. В качестве научных почти все называют ИВ РАН, ИВР РАН, ИМБТ СО РАН, ИИАЭ ДВО РАН, гуманитарные институты АН Татарстана, несколько реже – ИКСА РАН и ИАФ РАН, Кунсткамеру, ИМЭМО и МГИМО, в отдельных случаях – Институт антропологии и этнографии им. Миклухо-Маклая и Институт российской истории РАН, совсем редко – другие университеты, включая МГУ (ИСАА и исторический факультет), ВШЭ и СПбГУ.

Среди образовательных центров всегда фигурируют ИСАА МГУ, ВФ СПбГУ, МГИМО, ДВФУ, КФУ, Бурятский госуниверситет, Новосибирский государственный университет. Отдельно в качестве растущего центра называется Чита. Некоторые собеседники упоминали о качественной языковой под-

готовке в РГГУ, МПГУ и Сахалинском государственном университете (там, правда, речь шла только о преподавании японского языка). Наконец, в качестве практикоориентированного вуза упоминается ВШЭ.

Как можно видеть, в целом более устойчив перечень научных центров, нежели центров образовательных, среди которых отмечается

как появление новых интересных вузов, так и некоторое ухудшение репутации старых. **Само довольно жесткое разделение организаций на научные и образовательные тоже весьма характерно: ни один вуз не был назван нашими собеседниками среди важнейших исследовательских организаций.**

IV. Слабости, проблемы и вызовы

Трудности развития современного российского востоковедения, обозначаемые нашими собеседниками, могут быть разделены на три основные группы: 1) методологические, то есть связанные с содержанием деятельности; 2) коммуникативно-организационные, связанные с состоянием дел внутри профессионального сообщества; 3) административно-управленческие и финансовые. Понятно, что если в первых двух случаях субъектами выступают сами востоковеды, которые только и могут изменить текущую ситуацию, то в третьем случае они рассматривают себя лишь как объект, а основным виновником ситуации становится государство.

Проблемы методологии

Если попытаться суммировать все, что говорилось о трудностях, связанных с содержанием востоковедных исследований (и в меньшей степени образования), то они сводятся к необходимости переосмысления теоретических оснований науки, их обогащения. В той или иной форме данная мысль повторялась нашими респондентами во всех городах.

Соглашаясь с тем, что востоковедное знание изначально было «принципиально антитеоретичным», многие из них отмечали необходимость исправления ситуации через **привнесение в науку методологических подходов из других областей знаний**; это **позволило бы преодолеть существующую стереотипность мышления, в результате которой мы изучаем «ту Азию, которой сегодня уже не существует»**: «Мы недостаточно изучаем современное положение, современную ситуацию. Сегодня требуется аналитика, а вот этого у нас нет. [Необходимо] понять, что происходит сегодня с Востоком. Что происходит в том же Китае, куда и как он идет. Сегодня Китай, с одной стороны, все

время идет вперед, а с другой стороны, все больше обращается к прошлому»³².

Схожая ситуация и с образовательными программами: «Насколько я вижу, все российское востоковедение либо вышло из исторических факультетов, либо до сих пор находится в их рамках, имея другую группу. Но все же востоковедение – это в том числе и политология, и экономика, и социология; и изучение методологии и методов этих наук обогатило бы бэкграунд знаний наших выпускников, особенно если говорить не про бакалавриат, а про вторую ступень»³³.

Впрочем, необходимость обогащения методологической базы исследований связана не только со стремлением выйти за пределы классических историко-филологических подходов, но и с осознанием новых вызовов, с которыми сталкивается социо-гуманитарное знание: цифровизации, технологий искусственного интеллекта, машинного перевода. Понятно, что их использование возможно и необходимо не только в современных, но и в классических исследованиях, однако конкретные возможности их применения остаются все еще не до конца изученными, а о внедрении речь и вовсе идет редко.

Предлагаемая нашими собеседниками методологическая рефлексия несколько отличается от той, что доминировала ранее, по крайней мере, в двух отношениях.

Во-первых, она практически не затрагивает вопросов историософского плана, которые оставались центральными для нескольких предшествующих поколений востоковедов. Такие темы, как азиатский способ производства, широко обсуждавшийся в СССР, формационный и цивилизационный подходы, дискуссии о которых гремели в 1990-2000-е гг., многоукладность, дихотомии индивидуализма/коллективизма или власти/собственности, общие черты восточных обществ, концепция догоняющего развития и т.п., вовсе не упоминались нашими собеседниками. Можно предположить, что

³² Интервью с академиком, заместителем председателя ДВО РАН, руководителем Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН В.Л. Лариным, июнь 2024 г.

³³ Интервью с к.э.н., директором департамента международных отношений Уральского гуманитарного института УрФУ В.С. Беляевой, июнь 2024 г.

такой отход от общетеоретической историософской проблематики и обращение к более практическим вопросам вызваны некоторой усталостью от теоретических споров 1990-2000-х гг., которые воспринимаются сегодня как одновременно и слишком абстрактные, и слишком идеологизированные, и зачастую несколько наивные с их попытками определить «особость» не-Запада. Вместе с тем стремление усилить прикладное значение востоковедного знания подталкивает к большому прагматизму; в этих условиях указанные дискуссии начинают представляться малополезными, зато важную роль начинают играть эпистемологические вопросы. Наконец, еще одна причина отхода от теоретических сопоров прошлого поколения может заключаться в том, что реальное развитие событий в странах Азии и Африки плохо вписывается в разработанные в те годы схемы.

Во-вторых, **характерное для отечественной науки ранее стремление догнать науку западную, освоив накопленный ею богатый теоретико-методологический инструментарий, сменилось стремлением к отличию.** Целый ряд наших собеседников указывал на «чрезмерную ориентацию на западные исследования и стандарты» как на существенный недостаток. Следует подчеркнуть: никто из них не может быть заподозрен в банальной неготовности интегрироваться или соответствовать стандартам западной науки, все упоминаемые ученые весьма успешно делали научные карьеры и в предыдущие десятилетия.

Приведем несколько цитат:

«Мы долгое время не определяли тематику сами, последние 30 лет нам диктовали эту тематику через систему наукометрических данных, которая была полностью заточена на Запад. По сути дела, это одна из форм современного колониализма, и форма очень интересная. Знание перестраивается, и продуктом, или объектом, колониального угнетения становится это научное знание, сам ученый. В этом смысле у нас процветал колониализм в науке, в том числе и в востоковедении,

несмотря на то, что не удалось полностью перестроиться»³⁴.

«Зарубежные государства формируют свои подходы и разрабатывают свое понимание истории, литературы, искусства, языка и т.д. В скором времени вопросов не останется, поскольку Запад, Китай и отдельные независимые государства постсоветского пространства разработают их без нас. Речь в том числе об истории Золотой орды, которую можно поместить дискурсивно по-разному: видение Татарстана и – шире – России может отличаться от видения Казахстана»³⁵.

«Поскольку Запад сейчас идет по пути предельной конкретизации (курсы истории Китая можно заместить преподаванием денежной системы эпохи Тан или еще какой-нибудь), то нам нужно уходить от такой практики, как и от анализа Востока только на основе западного инструментария»³⁶.

«Здесь и полемика с Западом, потому что западная востоковедческая наука пытается влиять на страны, с которыми мы строим отношения. Она не просто так пишется, она стремится сформировать у них свою картину мира, а мы должны попытаться представить свою»³⁷.

Необходимость разработки собственных методологических подходов к исследованиям и осознание существующей политической ангажированности социогуманитарного знания не означает стремления полностью отгородиться от зарубежной науки, – напротив, «попытки ряда недружественных государств изолировать российское востоковедение от международных центров», равно как и объективно появившиеся сегодня трудности взаимодействия с восточными государствами из числа недружественных стран заставляют переосмысливать подходы к международному сотрудничеству.

Проблемы сообщества

Если методологические проблемы востоковедения порождены прежде всего новыми

³⁴ Интервью с член-корреспондентом РАН, членом Президиума РАН, директором Института Африки РАН И.О. Абрамовой, июнь 2024 г.

³⁵ Интервью с администрацией Института языка, литературы и искусства (ИЯЛИ) им. Галимджана Ибрагимова АН Татарстана, июль 2024 г.

³⁶ Интервью с к.ф.н., профессором ДВФУ А.А. Хаматовой, июль 2024 г.

³⁷ Интервью с д.и.н., действительным членом АН РТ, директором Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Р.Р. Салиховым, июль 2024 г.

вызовами (как чисто научными, так и политическими), с которыми сталкивается эта область знаний в последние годы, и, по сути дела, сводятся к необходимости быть адекватными меняющемуся миру, то проблемы самого профессионального сообщества, наоборот, связаны с необходимостью преодолеть негативные эффекты, накопившиеся в предыдущий период развития.

Первый из этих эффектов – неустойчивый статус востоковедения как отдельной области знаний или комплексной науки: «В научном мире до сих пор есть восприятие, что нет такого направления, как востоковедение, а есть филология, история, археология и т.д. Это не дает хорошим исследованиям засчитываться как востоковедческие. Заявиться как востоковед – это как попасть в секту»³⁸.

Впрочем, по мнению других наших собеседников, подобная ситуация, напротив, может быть даже полезна: она заставляет исследователей-востоковедов уделять больше внимания профессиональной рефлексии, учит их «держат удар». В то же время для организаторов образования неопределенность статуса востоковедения более критична: «Проблемы, которые есть, большие вопросы – это вопросы, которые связаны... с отсутствием профессионального стандарта и вообще каких-либо стандартов, которые мы бы могли напрямую использовать в наших учебных планах, характеристиках образовательных программ. В других образовательных стандартах и на других направлениях у них есть список рекомендуемых дисциплин. Должно быть, допустим, 17 дисциплин, вот таких-то, с таким-то объемом. У нас же нет такого. У нас есть стандарты, где мы видим, что нам нужно сформировать ту или иную компетенцию, и мы под них уже сами подстраиваемся, исходя из того, какой у нас есть научно-преподавательский потенциал... Не прописаны компетенции, вернее, они очень общо прописаны, а основа там – исторические знания. Какие знания, насколько они должны быть глубокими – неизвестно»³⁹.

С проблемой неопределенности статуса косвенно связана и другая – коммуникационная. Как было показано в предыдущем разделе, корпоративные связи внутри отдельных областей востоковедного знания (арабистики, китаеведения, тюркологии и т.д.), особенно на региональном уровне, развиты довольно неплохо. Однако это не относится к востоковедному сообществу в целом, которое остается весьма разобщенным особенно институционально: «Мы достаточно изолированы друг от друга. Мы общаемся на уровне личных контактов, но на уровне организаций общения – мало»⁴⁰.

Из-за дефицита научной коммуникации и отсутствия программ книгообмена представители тех или иных научных школ зачастую оказываются просто не в курсе того, чем занимаются их коллеги.

В то же время коммуникационные проблемы существуют и на внешнем контуре; они касаются как взаимодействия между востоковедами и представителями других научных специальностей, так и международного сотрудничества.

В обоих случаях проблема носит одновременно и научно-политический, и организационный, и методологический характер.

На внутрироссийском контуре в научно-политическом отношении речь идет о способности профессионального сообщества формулировать и отстаивать общие интересы: «В этом плане, думаю, нам крайне важно соединение основных центров: Москвы, Санкт-Петербурга, Казани – и не распыляться, чтобы выглядеть мощными и неразделенными»⁴¹.

В то же время на внешнеполитическом контуре в центре внимания оказываются вопросы о новых форматах взаимодействия с коллегами из других государств, прежде всего азиатских и африканских. Здесь особенно важными оказываются задачи компенсации утраченных после 2022 г. научных связей с западными центрами, усиление взаимодействия с партнерскими организациями на постсоветском пространстве, интенсификация как научного, так и обра-

³⁸ Интервью с к.ф.н., деканом Высшей школы международных отношений и востоковедения КФУ Э.К. Хабибуллиной, июль 2024 г.

³⁹ Интервью с доцентом кафедры востоковедения УрФУ, руководителем бакалаврских и магистерских программ Ю.П. Ивановой, июль 2024 г.

⁴⁰ Интервью с член-корреспондентом РАН, членом Президиума РАН, директором Института Африки РАН И.О. Абрамовой, июль 2024 г.

⁴¹ Интервью с академиком РАН и РАНХ, генеральным директором Государственного Эрмитажа, деканом Восточного факультета и зав. кафедрой Древнего Востока СПбГУ М.Б. Пиотровским, июль 2024 г.

зовательного сотрудничества с изучаемыми государствами, среди которых, кстати, есть и недружественные.

В организационном плане речь идет о создании междисциплинарных и международных каналов коммуникации, что позволило бы не только укреплять академические школы, но и формировать новые стандарты образования, в том числе языкового. В интервью не раз озвучивался запрос на расширение программ повышения квалификации для обмена лучшими практиками между преподавателями, а также необходимость профильной подготовки преподавателей восточных языков, ведь «все, что доступно преподавателям восточных языков – это методика преподавания языков европейских, и то если они эту информацию будут искать самостоятельно»⁴².

Кроме того, многие наши собеседники упоминали острую потребность в привлечении «в систему образования больше носителей языка, расширении числа партнерских вузов в изучаемых странах, в которых студенты и преподаватели могут регулярно проходить стажировки и повышать уровень своих знаний»⁴³.

В методологическом плане речь идет о выработке общего языка описания, который бы мог быть воспринят всеми представителями социогуманитарного знания не только в России или странах Запада, но и в государствах изучаемых регионов: «У нас сейчас по-новому выстраиваются отношения со странами Востока: КНДР, Китаем, Индией, Ираном и т.д. Эти вызовы говорят нам, что мы должны не только опираться на сделанное ранее, но выработать новый корпус знаний, т.к. эти страны тоже далеко ушли вперед, может, мы даже не представляем, насколько они развиты. Мы должны видеть в них равных партнеров, страны, которые в чем-то могут поделиться с нами опытом»⁴⁴.

Еще одна проблема связана с необходимостью поиска баланса между прикладным и фундаментальным восто-

коведением. Парадокс ситуации состоит в том, что, отмечая значительные достижения в сфере фундаментальных историко-филологических исследований и указывая на необходимость развития прикладных исследований и исследований современного цикла, одновременно с этим представители профессионального сообщества отмечают опасность чрезмерной переориентации на практику: «Главное, чтобы нас не размывали практические соблазны». «Надо, чтобы продолжалось нормальное вовлечение в практическую работу, в частности политическую и дипломатическую. Все это есть, это создано нашим поколением, в т.ч. и В.В. Наумкиным, но надо, чтобы это продолжалось. Я не знаю, будет ли это в будущих поколениях. Надо, чтобы нас слушали, а мы говорили что-то, что будет интересно слушать»⁴⁵.

Очевидно, чтобы сочетать академичность и практикоориентированность, фундаментальные и прикладные исследования, сохранение и дальнейшее укрепление школ классического востоковедения и развитие новых направлений, необходимо серьезное кадровое насыщение отрасли. Но именно с ним и связаны наиболее острые проблемы: «Практически нет специалистов по Юго-Восточной Азии. На весь Дальний Восток по всей Юго-Восточной Азии, наверное, найдется лишь парочка специалистов. Тенденция последних 10 лет – исчезновение центров востоковедного образования к востоку от Байкала. Это я точно могу сказать»⁴⁶.

Аналогичная ситуация в африканистике: «Вроде бы, можно заманить экономикой, она очень востребована, но дико не хватает экономического направления, специалистов нет, по Африке – точно раз-два и обчелся. Из той тысячи [выпускников по специальности востоковедение] в год будет готово человека три, которые что-то понимают в экономике Африки, и это будет замечательно. При этом их нужно будет длительно готовить, погружать в тему. То есть экономическое направление очень слабое»⁴⁷.

⁴² Интервью с к.ф.н., доцентом кафедры востоковедения УрФУ А.А. Бураковой.

⁴³ Интервью с к.ф.н., профессором ДВФУ А.А. Хаматовой, июль 2024 г.

⁴⁴ Интервью с д.и.н., действительным членом АН РТ, директором Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Р.Р. Салиховым, июль 2024 г.

⁴⁵ Интервью с академиком РАН и РАН, генеральным директором Государственного Эрмитажа, деканом Восточного факультета и зав. кафедрой Древнего Востока СПбГУ М.Б. Пиотровским, июль 2024 г.

⁴⁶ Интервью с академиком, заместителем председателя ДВО РАН, руководителем Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН В.Л. Лариным, июль 2024 г.

⁴⁷ Интервью с член-корреспондентом РАН, членом Президиума РАН, директором Института Африки РАН И.О. Абрамовой,

Даже при том, что, как было отмечено ранее, в некоторых вузах в последнее время наблюдается приток молодых кадров, сама организация науки и образования оставляет им мало шансов на то, чтобы остаться в специальности или заниматься наукой: «Через 5-7 лет они будут готовы, но у них годовая аудиторная нагрузка 900 часов, а они неостепененные, это молодежь. На ставку жить сложно, они берут полторы и еще почасовку, т.е. 15-16 пар в неделю. О какой науке с этим преподавателем можно говорить? Думаю, во многих вузах такая проблема. Плюс платная аспирантура»⁴⁸.

Одновременное резкое расширение стоящих перед востоковедами задач, рост общественно-политического интереса к регионам Азии и Африки, смена поколений специалистов, исчезновение целых научных областей естественным образом ведут к росту псевдоэкспертизы по Востоку, когда функции экспертов берут на себя люди, не имеющие отношения ни к академическому знанию, ни к прикладному востоковедению: блогеры, самоназначенные руководители различных НКО, называющих себя институтами и т.п. Это, в свою очередь, порождает новые вызовы перед профессиональным сообществом, которое теперь вынуждено еще активнее доказывать свою полезность и компетентность.

Проблемы организации научно-образовательного процесса

По мнению наших собеседников многие из выделенных проблем развития востоковедения носят системный характер и порождены особенностями организации научно-образовательной деятельности.

Прежде всего, **сложившаяся система финансирования академических институтов и вузов влечет за собой незаинтересованность в коллаборации между академическими учеными и преподавателями**. Если преподавателям просто некогда зани-

маться наукой при аудиторной нагрузке по 900 часов и более и колоссальной бюрократической отчетности, то научные сотрудники также не стремятся идти в студенческие аудитории, когда расширение возможностей на рынке труда позволяет им находить иные источники дополнительного заработка. Наконец, руководство вузов во многих случаях не видит для себя перспектив в наращивании научной деятельности.

В то же время финансирование научной деятельности на основе весьма спорных наукометрических показателей в совокупности с подушевым финансированием в вузах ведет к тому, что и там, и там возникают механизмы наращивания показателей эффективности при одновременном снижении качества реальной работы. **Стремление решить сложные проблемы развития с минимальными затратами приводит к тому, что институты оказываются не заинтересованы в реализации крупных долгосрочных научных проектов, а вузы – в поддержке узконаправленных специальностей**. В результате, если раньше в востоковедных вузах нормой считались учебные группы по 6-8 человек, то сегодня формируются группы по 15-25 человек. Это касается среди прочего таких крупных институтов, как ИСАА МГУ, где, согласно предложенному руководством учебному плану, планируется резкое сокращение объема курсов по специальности.

Проблемы финансирования и дефицита коммуникации влекут за собой и целый ряд трудностей в организации студенческих практик, учебных и научных стажировок, академической мобильности: «У студентов мало настоящей научной практики, им приходится ездить за свой счет. Время показало, что друзья у нас остались не там, где у нас договоры, а там, где люди у нас учились, работали с нами: в Египте, в Йемене. Думаю, что персональное вовлечение, внедрение в восточный мир в виде студенческой практики у нас заметно отстает»⁴⁹.

В некоторых случаях проблема частично решается за счет программ, реализуемых на региональном уровне, однако это скорее исключение, чем правило: «У нас в Татарстане

июнь 2024 г.

⁴⁸ Интервью с к.ф.н., деканом Высшей школы международных отношений и востоковедения КФУ Э.К. Хабибуллиной, июль 2024 г.

⁴⁹ Интервью с академиком РАН и РАНХ, генеральным директором Государственного Эрмитажа, деканом Восточного факультета и зав. кафедрой Древнего Востока СПбГУ М.Б. Пиотровским, июль 2024 г.

есть шикарная программа «Алгарыш» при Министерстве образования. Она дается студентам выпускных курсов, т.е. четвертого курса бакалавриата и второго курса магистратуры, и научным сотрудникам. Эта программа позволяет проходить научную или образовательную стажировку от месяца до года за границей. Например, я как преподаватель могу заявиться и на повышение квалификации, и на научную стажировку. Больше такой программы нигде нет, это очень здорово»⁵⁰.

Как ни парадоксально, у научных работников ситуация с академической мобильностью немногим лучше, чем у студентов с образовательной: «Нам тоже нужно переходить к длительным поездкам. В свое время, в 1989-92 гг., была большая эфиопская экспедиция. Мы работали в Эфиопии 3 года, практически весь институт прошел через экспедицию. И это были действительно очень интересные, масштабные, фундаментальные исследования по самым разным направлениям. Это была наша последняя крупная экспедиция в Африку, но она была очень интересной и важной... [Сегодня] с точки зрения полевых исследований все сложнее. У нас довольно неплохие исследования в Танзании»⁵¹.

Некоторые институты в последнее время пытаются решить эту проблему. Так, ИМЭМО открывает филиал в Индии, Институт востоковедения РАН наладил систему регулярных командировок научных сотрудников в государства Ближнего Востока и ведет работу полутора десятка экспедиций и т.п. Однако **системное решение проблемы, по мнению наших собеседников, требует принятия программ поддержки и на государственном уровне. Одним из инструментов здесь могло бы стать академическое сотрудничество в рамках БРИКС+**, при которой в 2024 г. была создана рабочая группа по социогуманитарным исследованиям. Развитие собственных программ научной и образовательной мобильности внутри БРИКС позволило бы решить отечественным ученым и проблему привлечения иностранных кадров для научной и преподавательской деятельности. Таким же инструментом могла бы

стать и ШОС, при которой с 2008 г. действует университет.

С вопросами о стажировках и практиках непосредственно связаны проблемы координации учебных программ бакалавриата, магистратуры и аспирантуры (а также специалитета), в которые, по мнению наших собеседников, изначально должно быть заложено время на прохождение стажировок. В целом **большинство специалистов соглашается с тем, что четырехлетнего бакалавриата для подготовки востоковеда сегодня недостаточно: за это время можно выучить восточный язык на уровне, приемлемом для работы в практической сфере (переводческая деятельность, логистические, торговые компании и т.п.), и получить некие минимальные страноведческие знания, но практически невозможно ни получить глубокую страноведческую подготовку, ни овладеть методологическим инструментарием.** По мнению ряда специалистов, последнее требует либо возвращения к специалитету, либо интегрированных магистерских программ, либо пятилетнего бакалавриата. При всех этих вариантах должно планироваться активное взаимодействие вузов как с академическими институтами, так и с потенциальными работодателями из реального сектора экономики; несмотря на многочисленные заявления о существовании подобного рода взаимодействия, в реальности практически его нигде нет. Естественно, усиление такой координации между основными ступенями высшего образования должно дополняться налаживанием плавного перехода специалистов из образовательной сферы в исследовательскую: «Преподаватель, который работает на ставке в университете, должен иметь возможность бесплатного образования в аспирантуре или соискательства автоматически, может, без стипендии, но в любом случае не платить за научную программу аспирантуры»⁵².

Кроме того, **речь должна идти и о поддержке географических направлений востоковедения, причем с учетом специфики внешнеэкономических связей соответствующих регионов России:**

⁵⁰ Интервью с к.ф.н., деканом Высшей школы международных отношений и востоковедения КФУ Э.К. Хабибуллиной, июль 2024 г.

⁵¹ Интервью с член-корреспондентом РАН, членом Президиума РАН, директором Института Африки РАН И.О. Абрамовой, июль 2024 г.

⁵² Интервью с к.ф.н., деканом Высшей школы международных отношений и востоковедения КФУ Э.К. Хабибуллиной, июль 2024 г.

«Нужно определить, где это наиболее востребовано, какие регионы активно развивают свои отношения с тем же Китаем или Индией, и там, на месте, готовить специалистов»⁵³. Такой подход позволил бы, помимо прочего, поддержать исчезающие сферы востоковедения и одновременно сократить дистанцию между столичными и региональными востоковедными учреждениями, укрепив сотрудничество между ними.

Наконец, **еще одна проблема, также непосредственно связанная с взаимодействием науки и образования, состоит в**

катастрофическом дефиците учебно-методической литературы. Академические институты не работают над подготовкой учебников, поскольку не могут отчитываться ими по темам госзадания, а университетским преподавателям, как правило, просто некогда (да и незачем) их писать.

В значительной степени описанные управленческие проблемы, по мнению наших собеседников, проистекают из того, что «государство попросту не знает, зачем ему это востоковедение нужно, и не понимает, что это такое».

⁵³ Интервью с член-корреспондентом РАН, членом Президиума РАН, директором Института Африки РАН И.О. Абрамовой, июнь 2024 г.

V. Что делать?

Как можно заключить из перечисленного выше, перечень проблем, с которыми сталкивается отечественное востоковедение, довольно обширен; некоторые из них требуют многолетней работы самого профессионального сообщества, другие могут быть решены быстрее административными методами или при помощи увеличения объемов финансирования.

Нельзя сказать, что уже сегодня ничего не предпринимается для их решения, причем инициатива принадлежит самому профессиональному сообществу. Так, в различных институтах и вузах идет интенсивный поиск ответов на те методологические вызовы, с которыми сталкивается востоковедение. Для изучения возможностей использования цифровых технологий в востоковедении создан журнал «Цифровое востоковедение»; в Институте востоковедения РАН действует Лаборатория комплексных цифровых технологий; проблемой использования больших данных в изучении политических процессов активно занимаются МГИМО и ВШЭ; исследования влияния цифровизации на социально-экономическую жизнь и политические процессы в странах Востока ведутся в УрФУ и т.д. О стремлении привнести в востоковедение новые теоретические подходы и методологию других гуманитарных наук свидетельствует появление целого ряда теоретических публикаций последних лет, в том числе многочисленные труды группы А.В. Коротаяева, работы И.О. Абрамовой, А.К. Аликберова, В.В. Наумкина и др. авторов. Активная деятельность академических институтов в сфере прикладных исследований и консалтинга (в частности ИАф РАН, ИКСА РАН, ИВ РАН), появление в их структуре новых подразделений, ориентированных на работу с бизнесом и органами государственной власти, говорит о постепенной перестройке и довольно быстрой модернизации этих классических институтов.

Вместе с тем проблема поиска методологии, принципиально отличной от западной, сохраняет свою актуальность. Стоит признать, что **попытки обогатить**

методологический инструментарий отечественных социогуманитарных наук западными теориями и методами пока что находятся лишь на начальной стадии. Более того, сама перспектива такого обогащения представляется довольно спорной, поскольку речь идет не просто об освоении одной, двух или множества теорий, но о возможности конвергенции принципиально разных интеллектуальных традиций.

Довольно успешно решается и коммуникационная проблема, что видно по распространению новых форматов научного взаимодействия. Так, в рамках консорциума ИВ РАН и МГИМО уже два года проводятся курсы повышения квалификации для востоковедов. Если в первый год в них в качестве слушателей приняло участие около ста человек, то на второй год на один курс записалось 950, а на другой – 750 человек из 51 региона России и 15 государств мира. Программы повышения квалификации, хотя и с не таким большим составом слушателей, проводятся и другими вузами, в частности ДВФУ. Можно вспомнить и различные программы летних школ, конкурсы молодых ближневосточников, организуемые Центром внешнеполитического сотрудничества имени Е.М. Примакова, олимпиады по восточным языкам, проводимые в различных университетах России, в частности в КФУ, крупные конференции, такие как «Общество и государство в Китае», Конференцию арабистов «Чтения И.М. Смилянской» и др. Наконец, свою роль играют и съезды востоковедов. Последний из них, четырнадцатый по счету, осенью 2024 г. был проведен во Владивостоке совместными усилиями ИВ РАН и ИИАЭ ДВО РАН. В целом в последние годы, особенно после быстрого распространения технологий ВКС в период пандемии, интенсивность горизонтальных связей среди востоковедов резко возросла. Этому, кстати, способствует и появление различных платформенных решений, в частности портала *OrientaliaRossica*, запущенного НИУ ВШЭ, или портала Восточная трибуна, начавшего работать в 2024 г.

Названные инициативы (и множество тех, что не были упомянуты в тексте) способствуют не только консолидации профессионального востоковедного сообщества, но и формированию новых каналов его взаимодействия с иными научными сообществами как внутри страны, так и за ее пределами, что в перспективе может способствовать и методологическому обновлению.

Несколько сложнее дело обстоит с решением управленческих задач, особенно в сфере востоковедного образования.

В принципе, **большинство востоковедных вузов сегодня ищут возможности модернизации учебных программ, приводя их в большее соответствие с потребностями рынка труда.** Как правило, это делается через запуск новых магистерских программ или через усиление учебных, производственных и научных практик: «На первом курсе теория, потом уже непосредственно практикум, и так до четвертого курса, до седьмого семестра. Мы только в это вошли и пока тонем от количества, мы еще учимся плавать в этих практикумах, потому что у нас порядка двадцати проектных команд получилось. Все с разными темами. Потом придумаем, как это упорядочить. Но, опять же, с другой стороны, не всем нужна эта практикоориентированность. Кому-то нужны языки и культура, другие понимают, что хотят пойти в ВЭД, кого-то больше привлекает дипломатия. И потому мы вводим курсы по выбору... Если они в ВЭД себя не видят, они вообще не берут эти дисциплины. Есть дисциплины по международному туризму, где мы учим, как работать с поисковыми системами и чем интересны страны Востока... Сейчас я думаю, может быть, в рамках стандарта мы можем сделать два цикла практик. Одни, например, на перевод, а другие в каких-то структурах; может быть, это будет ИВ РАН либо партнерский университет. Мне кажется, интересно было бы, если бы в рамках практик мы обменивались опытом с коллегами... Интересно было бы отправить студентов на практику в ИВ РАН, МГИМО, МГУ, СПбГУ, а другие бы пошли в логистические компании, в перевод, возможно, в издательства»⁵⁴.

Как видно цитаты, речь идет, с одной стороны, о большей практикоориентированности образования, а с другой – об интеграции образования и науки и повышении потенциала университетов за счет налаживания межвузовского взаимодействия.

Такая необходимость порождена прежде всего очевидной нехваткой кадрового потенциала.

Один из предлагаемых подходов для решения проблемы состоит в использовании программ сетевого взаимодействия: «Идея сетевого востоковедного образования состоит в том, что создается единая общая программа подготовки востоковедов в местных центрах – Чита, Улан-Удэ, Благовещенск, Хабаровск, Владивосток. К этому привлекается группа высококвалифицированных ученых от Санкт-Петербурга до Владивостока, которые читают во всех этих городах и центрах определенные учебные курсы. Технически это может возглавить тот вуз, который сегодня руководит УМО в области востоковедения.

В единую общую программу можно внести какие-то региональные нюансы, но программа одна. Пул ученых может включать даже 10 человек, которые раз в год будут проезжать по этим центрам... Программа с адекватными финансированием, определением нагрузки на преподавателей, численностью студенческих групп, обеспечением стажировок и командировок. Нужны активные контакты за рубежом и внутри страны»⁵⁵.

Схожую идею развития сетевого взаимодействия продвигает сегодня и Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, правда, фокусируясь в основном на монголоведных исследованиях.

Что же касается двух основных исторически сложившихся центров классического востоковедного образования – ИСАА МГУ и Восточного факультета СПбГУ, они выбирают прямо противоположенные векторы развития, которые, о чем уже упоминалось в первом разделе, могут быть обозначены условно как реформаторский и консервативный.

Апологетом реформаторского подхода выступает директор ИСАА А.А. Маслов: «Первая реформа – это ориентация на кон-

⁵⁴ Интервью с доцентом кафедры востоковедения УрФУ, руководителем бакалаврских и магистерских программ Ю.П. Ивановой, июнь 2024 г.

⁵⁵ Интервью с академиком, заместителем председателя ДВО РАН, руководителем Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН В.Л. Лариным, июнь 2024 г.

кретную карьерную траекторию и уменьшение времени, отпущенного на обучение, чтобы человек как можно скорее приступал к работе. Сейчас первый и часть второго курса – это подготовка комплексных востоковедов. Студент выбирает регион, например, Китай или Южную Азию, соответственно, изучает язык, этнографию, историю. Но, помимо этого, все должны прослушать курсы истории стран Азии и Африки, современного развития стран Азии и Африки, введение в экономику, литературные традиции. А как раз в конце второго курса студенты выбирают один из четырех профилей, которые были и раньше: история, экономика, политология и филология. На 3-4 курсе, а затем в магистратуре они получают углубленную специализацию. Главное в углублении – перестройка курсов не по объему материала, а по углубленности. В мое время и во времена тех, кто сейчас преподает, было 1-2 учебника по истории Китая и несколько десятков статей. Все, что мы могли, – успеть их прочитать. На методологию почти не оставалось времени. Сейчас можно почитать и посмотреть что угодно, другая система усвоения информации. Поэтому то, в чем мы должны быть профессионалами, – объяснение методологии исследования. На это мы и делаем упор на 1-2 курсе. В таком случае методология исследования Китая или Вьетнама не очень отличается от любой другой страны. Это и есть идентификация в своей профессии»⁵⁶.

Защитником консервативного, в свою очередь, остается академик М.Б. Пиотровский: «Надо сохранять все как есть, но для этого надо многое менять. Надо сохранять традиции, в этом наша уникальность, но надо многое менять, чтобы они могли сохраняться. Я не знаю, что именно менять в структуре, вроде бы, все нормально. Нужно развивать что-то вроде нашего исламского проекта, когда мы наладили работу с исламскими духовными институциями, смогли построить обучение и исследования так, что они не создают конфликта между светским и духовным. Нужны какие-то структурированные каналы взаимодействия между востоковедением и другими научными дисциплинами, но потребности в слияниях я не вижу. Нужны учебные курсы, максимальное вовлечение в

практическую жизнь... Возможно, стоит отработать неформальную систему, когда преподаватели приходили в другие учреждения и там читали лекции, но бюрократически всегда удобнее, чтобы были одни преподаватели – свои тут, а другие пусть сидят отдельно»⁵⁷.

Понятно, что доведенные до абсолюта и тот и другой подходы могут вызывать серьезную обеспокоенность.

В первом случае **уменьшение аудиторных часов на узкую специализацию, которую студент должен проходить фактически за полтора-два года занятий, может обернуться резким снижением качества образования. Фактически это вымарает из подготовки собственно университетскую составляющую, сведя востоковедение к простому владению языком и некоторым набором страноведческих знаний.** Ссылки на необходимость освоения методологии проблему не решат. Во-первых, специальной востоковедной методологии, как уже упоминалось, не существует в природе. Во-вторых, действительно необходимое овладение комплексом методологических подходов из различных областей социогуманитарного знания возможно только при предварительном освоении значительного комплекса конкретного материала, иначе всю эту методологию попросту не к чему будет применять.

Во втором случае стремление к сохранению *status quo* может привести к неготовности отвечать на новые вызовы.

Вместе с тем две заявленные позиции выделены нами несколько искусственно ровно с тем, чтобы обозначить возможный спектр подходов, а вовсе не для того, чтобы охарактеризовать реальное положение дел. В конце концов, тот же Восточный факультет реализует целый ряд инновационных проектов и никак не может быть заподозрен в несоответствии требованиям современности. Более того, существующая синергия в научно-образовательной деятельности между университетом, Институтом восточных рукописей РАН и Государственным Эрмитажем способствует развитию каждого из учреждений, создавая уникальную для российского востоковедения ситуацию.

⁵⁶ Интервью с д.и.н., директором ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова А.А. Масловым, июнь 2024 г.

⁵⁷ Интервью с академиком РАН и РАНХ, генеральным директором Государственного Эрмитажа, деканом Восточного факультета и зав. кафедрой Древнего Востока СПбГУ М.Б. Пиотровским, июнь 2024 г.

Некоторые выводы

Если сопоставить результаты исследований отечественного востоковедения, проведенных нами в 2023 и 2024 гг., то можно увидеть, что какие-то из первоначальных выводов были подтверждены проведенными интервью, какие-то нет, а какие-то были дополнены.

Так, в 2023 г. мы выделяли 16 основных вызовов, с которыми сталкивается современное российское востоковедение: половина из них носили исключительно научно-методологический характер, половина – организационный.

Первые в большинстве своем вполне осознаются профессиональным сообществом, в котором обсуждаются вопросы идентичности востоковедения, проблемы баланса между стремлением к сохранению классической структуры востоковедного знания и его дальнейшим методологическим и проблемным обогащением, сочетания фундаментальных и прикладных исследований, применения новых технологий, поиска новых каналов и форматов коммуникации.

Кроме того (и об этом в докладе 2023 г. не упоминалось), российские востоковеды ощущают дефицит профессиональной коммуникации, что ведет к разобщенности сообщества, недостаточной его способности к консолидации, а также к появлению проблем единых стандартов научной и образовательной деятельности и угрозы утраты общего языка описания.

Наконец, такие выделявшиеся нами в 2023 г. вызовы, как необходимость выхода из принципиальной дихотомии позитивистского идеала научности и культурно-идеологической обусловленности социального знания или реагирования востоковедного знания на быстрое развитие технологий машинного перевода, в повестке дня сегодня не стоят.

Что же касается организационных проблем, то они рефлексированы несколько хуже. Конечно, все согласны с тем, что как в университетах, так и в научных институтах сохраняется кадровый голод, что необходимо создание постоянно действующей системы проведения полевой работы для исследователей и стажировок в странах изучаемых языков для студентов, что не хватает учебников, что нужно по-новому посмотреть на то, как академическое и университетское сообщества должны обеспечивать научно-аналитическое сопровождение органов государственной власти или работать с бизнесом и т.д. Однако почти во всех этих случаях востоковеды воспринимают себя скорее как объекты чужой деятельности и потому не рассматривают возможности самостоятельного исправления ситуации. Соответственно, такие вопросы, как интенсификация взаимодействия между университетами и исследовательскими институтами или принятие мер для сохранения и развития школ изучения редких восточных языков, не получают широкого обсуждения.

2024